
ЭНТИНА ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА, доцент
Кафедра мировой политики Национального
исследовательского университета
Высшая школа экономики
Москва, Россия

UDK 327(497.11:470)
339.92(497.11:470)"200/201"

ОТ РАСПАДА К МОДЕРНИЗАЦИИ. К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-СЕРБСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Несмотря на абсолютно разное положение на международной арене и историческую роль в мировом контексте, в судьбе России и Сербии определенно нельзя не заметить сходства. Это заставляет общество, размышляющее о прошлом, настоящем и будущем России, постоянно возвращаться к судьбам балканских народов, видя в них маленькую модель России, а политическим элитам всех поколений обращаться к проблематике российско-балканских и российско-сербских отношений как таковых.

Исторический контекст отношений

История российско-сербских отношений насчитывает уже не одно столетие. И если в XV–XVI веках эти отношения складывались в основном на основе религиозного единства: Россия воспринималась в контексте концепции „Москва – третий Рим“ и абсолютной доминантой были православные миссии, то с начала 19 века можно говорить о формировании некоего типа межгосударственных отношений. Первое сербское восстание (1804–1813 гг.) положило начало их становлению. Россия внесла решающий вклад в обретение Сербией статуса автономного княжества (1830 г.), а затем и полной независимости (1878 г.). Неоднократно (в 1804–1813 гг., 1815 г., 1878 г., в период Первой мировой войны и, наконец, в результате победы советского народа в Великой Отечественной войне в 1945 г.) Россия спасала сербский народ от геноцида и, в итоге, помогала возрождению сербской государственности. Это, конечно же, способствовало формированию в сербском национальном сознании образа России как вечного союзника и спасителя.

Боле того, союзника, ответственного за судьбу сербского народа. У россиян события, происходящие на Балканском полуострове, исторически привлекали пристальное внимание народа и до сих пор являются важным элементом восприятия внешнеполитической активности российского государства.

Вместе с тем, на протяжении всей своей истории, российско-сербские отношения отличала известная степень прагматизма.

В XIX веке Россия постоянно вынуждена была выстраивать свою балканскую политику в условиях политической изоляции (первая четверть XIX в., период 1856–1878 гг.), так и с учетом реальной расстановки сил в Венском „концерте“ великих держав. То же самое можно сказать и о поведении формирующейся сербской политической элиты, которая проводила свою политику „освобождения и объединения сербских земель“ достаточно прагматично, постоянно балансируя между Стамбулом, Веной и Петербургом, периодически включая в игру Париж и Лондон.

Сербское княжество в период 1878–1903 гг., так же как другие балканские государства, получившие независимость в результате победы русского оружия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., оказались перед сложным выбором между реализацией национальной программы (того или иного варианта „великосербской“ идеи) и проблемой догоняющей модернизации. Выбор был сделан в пользу прагматичного развития, формирования основ национальной промышленности, развития инфраструктуры, привлечения иностранных инвестиций и бурного становления демократических институтов, ориентируясь на Вену, Берлин и Париж.

Переворот 1903 г. положил начало новому сближению Сербии с Россией, однако поворот во внешнеполитической ориентации Сербии был во многом результатом не только и не столько „русофильства“ династии Карагеоргиевичей и руководства Сербской радикальной партии Н. Пашича, сколько, как показали Боснийский кризис 1908 г. и Первая и Вторая балканские войны (1912–1913 гг.), общим дискурсом формирования двух военно-политических группировок. Именно существование Тройственного союза и Антанты, а также „балканская калькуляция“ Германии, которая надеялась на раскол Антанты, если повод к войне возникнет на Балканах, стали причиной исторического выбора России (Волков В.К. *Сербия – 200 лет борьбы // Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. / отв. ред. В.К. Волков. СПб.: Алетейя, 2005. С. 11–12).*

В период между первой и второй мировыми войнами как Сербия, так и Россия претерпели не только внутренние трансформации, но и

оказались по разные линии исторического водораздела в формирующемся идейно-политическом расколе мира. Политика СССР в отношении королевской Югославии (до 1929 г. – Королевства СХС) во многом исходила из коминтерновского определения Югославии как „нежизнеспособного порождения Версальской системы“ и была направлена на её развал. Это предопределило отсутствие дипломатических отношений вплоть до лета 1940 г., а фактически – до краха страны в „апрельской войне“ и установления „союзных“ отношений с эмигрантским правительством в июле 1941 г.

Крах Королевства Югославия и ее расчленение фашистскими оккупантами в годы второй мировой войны ввергло страну в кровавую драму гражданской войны, сопровождавшейся актами массового геноцида против, преимущественно, сербского населения. Победа СССР и стран антигитлеровской коалиции привели к освобождению страны силами партизанского сопротивления, руководимого коммунистами. Россия (СССР) в то время сыграла решающую роль в создании новой, федеративной Югославии и ее международном признании (См.: *Отношения России (СССР) с Югославией. 1941 – 1945 гг.: Документы и материалы*. М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998.)

Тесные союзные отношения между странами были нарушены советско-югославским конфликтом 1948 – 1953 гг., а последовавшая в 1955 – 1956 гг. их нормализация на длительную перспективу не смогла снять взаимного недоверия и эпизодических кризисов в отношениях между правящими режимами. В то же время, 60 – 70 гг. XX в. являли собой пример торжества прагматизма в двухсторонних отношениях. Несмотря на идейно-политические разногласия и взаимное неприятие советской и югославской „моделей“ социализма, между странами активно развивались торгово-экономические отношения и культурное сотрудничество. СФРЮ стала крупнейшим внешнеторговым партнером СССР в Восточной Европе, а СССР – основным поставщиком в Югославию топливно-энергетических ресурсов.

Распад СФРЮ и СССР: общее и отличия

Самым ярким примером сходства процессов, периодически происходящих на Балканах и на территории СССР, может быть конец 80-х – начало 90-х гг. XX века, символизировавший распад двух полиэтнических федераций. „При создании СФРЮ, безусловно, был использован опыт национально-государственного устройства нашей страны... Немало общего в том, что касалось роли России и Сербии в федеративном государстве... Схожесть в сочетании славянского и мусульманского элементов... Границы между республиками, установленные в СФРЮ, как

и в СССР, не имели того значения, которое они приобрели, когда встал вопрос о полной независимости республик...В общем, если оставить в стороне масштабы, то, пожалуй, в мире не было более схожих между собой стран, чем СССР и СФРЮ". (*Романенко С. Между „йролетшарским национализмом“ и „славянским брайтсйвом“*. М., 2011, С. 757)

Этот факт позволяет многим российским и сербским исследователям и представителям общественности говорить о том, что Югославия и на практике, и в теории была моделью СССР в миниатюре. Соответственно, ряд российских ученых последовательно придерживаются мнения, что на югославском примере международное сообщество апробировало механизмы разрушения СССР. И даже, что в сухом остатке вся антисербская политика имеет в своей основе политику антироссийскую. Подобная точка зрения, безусловно, имеет право на существование, но она не учитывает целый спектр проблем и аргументов.

Действительно, кризис и распад СССР и СФРЮ совпали не только хронологически, но действительно были схожи типологически. В этом смысле интересно выделить основные причины, приведшие к развалу обеих федераций. Рассмотреть, почему в одном случае (российском) распад многонационального государства прошел по относительно мирному сценарию дипломатического „развода“, а в другом пережил несколько кровавых гражданских войн, вмешательство внешних сил и, откровенно говоря, не завершился и сегодня.

Из всего многообразия факторов, приведших к распаду обоих государств, можно остановиться только на трех, характерных как для СССР, так и для СФРЮ: внешний фактор, экономический кризис, политико-идеологический кризис, в частности, особенности трансформации политических элит (в том числе и роль личностного фактора в этом процессе).

Роль *внешнеё фактора, изменение международной обстановки* в распаде имперских систем, каковыми иногда считаются как СССР, так и, реже, СФРЮ, однозначно признается большинством исследователей. Однако геополитическое положение двух стран радикально различалось: СССР был креатором и фундаментом ялтинско-потсдамской системы мира, и именно внутренние трансформации в СССР положили конец эпохе „холодной войны“. Поэтому применительно к СССР внешний фактор нельзя серьезно сводить к „теории заговора“. Большинство исследователей сходятся в том, что детонатором экономического кризиса в СССР середины 80-х стал сговор администрации Р.Рейгана с саудийскими шейхами, в результате которого в 1986 г. обвалились мировые цены на нефть, и тем самым был спровоцирован паралич советской экономики. Однако многим видится, что конечной целью американской

политики в отношении СССР в 80-е гг. был не распад, а изменение общественно-политического строя СССР, поощрение его внутренней трансформации (См.: Арбашов Г. А. Дело: „Ястребы и голуби холодной войны“ / Г. А. Арбашов. М.: Аліоритм: Эксмо, 2009. 224 с.).

Гораздо большую роль внешний фактор сыграл в распаде Югославии, но его влияние и в этом смысле не сводится к „конспирологической“ версии. Югославия как порождение холодной войны держалась благодаря равновесию между двумя военно-политическими блоками. Её политика неприсоединения, равноудалённости от военно-политических блоков была, если не главным, то весьма значительным основанием существования Югославии как единой страны. Она приносила деньги, рынок, кредиты, и это было важной составляющей личной власти И. Б. Тито (*Jović, Dejan. Jugoslavija: država koja je odumrla: uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije: (1974–1990). Zagreb: Prometej, 2003. S. 68.*). Холодная война и, особенно, Хельсинский договор сделали практически невозможными и радикальные идеологические перемены (которые бы, скажем, стали результатом приближения Югославии к одному или другому союзу) и какой-либо сепаратизм (в частности создание новых государств в Европе). „С учетом важности этого третьего пути для новой югославской идентичности, существование двух идеологически-военных блоков на границах были главной причиной стабильности и существования этой страны“ (*Jović, Dejan. S. 68.*).

Уже поэтому ясно, что окончание холодной войны дестабилизировало Югославию. Прежде всего, страна больше не имела внешних врагов (идеологических, если и не военно-политических), которые бы способствовали тому, чтобы внутренние разногласия уменьшались и становились второстепенными. Необходимо было, поэтому, найти внутренние предпосылки стабильности и единства, а это гораздо труднее. Во-вторых, Югославия потеряла то значение, которое имела в период холодной войны. Если раньше Югославия была идеальным партнером Запада в его попытках разрушения монолитности социалистического блока, теперь вся Восточная Европа стала либерально-демократической ((*Jović, Dejan. S. 68-69.*)).

Многие обвиняют Запад в ошибках в оценке, непонимании и – как следствие – игнорировании как самого смысла, так и сложности югославской проблемы. Югославия, утверждают они, была жертвой падения Берлинской стены, и недооценки западными державами всей сложности проблемы. Эта неадекватность проявилась, прежде всего, в нежелании Запада чем-либо поддержать экономические реформы Анте Марковича (1988-1991 гг.), кроме вербальных нот и пустых жестов. По мнению Милана Панича, премьер-министра Сербии в 1992-1993 гг., тогда „цена вопроса была всего 4 миллиарда долларов, которые не захо-

тел заплатить Запад в 1990 году, а в последующее десятилетие потерял в десятки, сотни раз больше“ (См.: С. Грызунов, Г. Сысоев. *Балканский пророк. Политический портрет. Ярославль, Издательско-полиграфический комплекс ИНДИГО, 2011. С. 103*)

Все исследователи соглашаются, что *экономический кризис* сыграл ключевую роль в распаде как Советского Союза, так и Югославии. Но на этом совпадение заканчивается.

В СССР экономический кризис показал всю неэффективность существующей централизованно-плановой модели экономики, привел к дезинтеграции единого экономического пространства страны. При этом, он оставлял свободу маневра: относительную децентрализацию управления и экономическую автономизацию республик (т.н. „республиканский хозрасчет“), наконец, проведение экономической реформы, в частности, внедрение элементов рыночной экономики и плюрализацию отношений собственности. Эту точку зрения в той или иной степени разделяли все республиканские элиты, это же находило понимание и на уровне массового сознания. Другое дело, что „союзное руководство оказалось буквально парализованным перед лицом нараставших экономических проблем. „Паралич воли“ лишил его возможности проводить сколько-нибудь последовательную экономическую политику“ (Пихоя Р.Г. *Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985 – 2005. М.: Русь-Олимп. Асирель: АСТ. 2007. С.413*).

В СФРЮ многие проблемы, с которыми СССР столкнулся в период 80-х гг., были в прошлом: экономические реформы 50-х – 60-х гг. привели не только к децентрализации, но и к экономической „автаркизации“ республик. Внешняя открытость югославской экономики в 70-е гг. обеспечила относительно высокий уровень жизни, а система производственного социалистического самоуправления создавали иллюзию преодоления эффекта „отчуждения“ работника от результатов его труда. Тем самым экономический кризис 80-х гг. поставил югославское союзное руководство и республиканские элиты перед альтернативой: либо пойти на известную рецентрализацию экономики федерации, либо разводиться. Очевидная неререформируемость югославской самоуправленческой экономики в рамках господствующего социалистического нарратива была основной причиной паралича центральной власти. Таким образом, экономический кризис в Югославии имел ярко выраженный политико-идеологический контекст.

Различными в наших странах были и социо-психологические последствия экономического кризиса. В СССР не было эпохи титовского „процветания“ 70-х гг. и переход был не столь резкий: от скудной и „дефицитной“ жизни к снабжению „по талонам“. В нашей стране, что тоже своеобразно, общественно признанным становится тезис „не тот

социализм построили!“, лозунг – „больше социализма“! Эгалитаризм масс отвергает номенклатурную элиту с её привилегиями, но поиск альтернативы (может быть за исключением населения прибалтийских республик) не выходит пока за рамки социалистической парадигмы. В СФРЮ, которая гордилась своей „несоветской“ моделью самоуправленческого социализма, а голода в кризисные 80-е не было, экономический кризис привел к глубочайшему идеологическому кризису, поиску несоциалистической альтернативы (и она была найдена в националистическом дискурсе). В свою очередь, эгалитаризм массового сознания привел также к росту межреспубликанских противоречий, т.к. жители северо-западных республик считали себя заложниками слаборазвитых республик. В СФРЮ, тем самым, экономический кризис был равносильен не столько экономической, сколько идеологической катастрофе.

Распаду двух государств предшествовал глубокий *идейно-политический кризис и распад несущих конструкций многонациональных государств – их коммунистических партий*. Если в случае с СКЮ её распад имеет чётко определенную дату – XIV съезд СКЮ (январь 1990 г.), то в случае с КПСС процесс распада принял затяжной и во многом латентный характер. Он начался с безуспешной горбачёвской чистки партаппарата в середине 80-х, стал очевиден в результате решений XIX партконференции и образования консервативно-патриотической „полозковской“ КПРФ. Наконец, стал обвальным в результате „суверенизации“ республиканских парторганизаций, массового выхода из партии и становления многопартийности в 1990-1991 гг. В том и в другом случае кризис партии имел глубокие идеологические причины и во многом определялся качеством той политической элиты, которая рекрутируется во власть в 80-е гг.

Её характерной общей чертой была амбивалентность. Она оформилась как категорический императив в результате политических чисток (СФРЮ в 1971 – 1972 гг. с Хорватии до Сербии, а в СССР после событий в Чехословакии, „зачисток“ в научно-исследовательских институтах и высшей школе, а также массового преследования „диссидентов“ в 70-е гг.). Их время пришло в начале 80-х гг. с концом эпохи геронтократии. Разница в том, что в Югославии эта новая генерация политиков очень быстро трансформируется в т.н. „этнократические республиканские кланы“ (См: Волков В.К. *Этнокрайшья – нейредвиденный феномен постшошлишарногo мира / В.К.Волков. // Политические исследования.. 1993, № 2. С. 40-49*) Именно новая этнократическая республиканская элита воспользовалась идеологией национализма как элитным ресурсом.

В СССР с концом геронтократии ей на смену идет меритократия, но именно они – представители партократов-технократов – оказались

неспособными сформулировать новый идеологический дискурс, оставаясь в плену традиционной парадигмы „улучшенного социализма“.

СССР и СФРЮ по своему характеру можно отнести к категории авторитарных государств. Поэтому в процессе их распада большая роль объективно принадлежала *личностному фактору*. Центральными действующими лицами в процессе распада в СФРЮ были С. Милошевич, М. Кучан, Ф. Туджман, А. Изетбегович; в СССР - М. Горбачев, Б. Ельцин, Кравчук, Н. Назарбаев. Но на практике феномен авторитаризма в обоих случаях во многом различается. В Югославии длительный период пребывания у власти И.Б. Тито создал парадоксальную ситуацию, когда появление нового Тито было вне интересов политических элит, оно блокировалось Конституцией 1974 г. (принцип коллективного руководства, ежегодная ротация председателя президиума СФРЮ). Кроме того, принцип формирования самого Президиума на основе представительства каждого из субъектов федерации объективно препятствовал кристаллизации одной личности в качестве признанного авторитета. Несмотря на то, что массой все больше овладевала идея „второго Тито“, на федеральном уровне это было невозможно. Мог появиться только новый „республиканский“ Тито. Что и произошло с С. Милошевичем в Сербии и Ф. Туджманом в Хорватии. Но от республиканского Тито требовалось уже не использование общегославской темы, а сугубо националистический дискурс.

В СССР ситуация серьезно отличалась: длительный период „застоя“, а затем „гонки гробов“ в начале 80-х, привел к катастрофической дискредитации роли лидера. Поэтому поиск лидера тоже, как и случае с Югославией, опустился на республиканский и областной уровень, но в иной плоскости: насколько этот лидер способен отстоять общие интересы политической элиты внутри федерального центра. Именно в этот момент началось стремительное восхождение Б.Н. Ельцина – типичного представителя региональной партийной технократии.

Наконец, важнейшую роль в том, что судьбы двух стран в 1991 г. радикально разошлись, сыграла диаметрально противоположная роль федерального центра. Кажущееся совпадение заключается в том, что и в СФРЮ, и в СССР федеральный центр выступал как централистская сила, стремящаяся к сохранению федерации, допуская ее трансформацию. В обоих случаях федеральный центр искал пути мирного сохранения федерации через переговоры (Новоогаревский процесс и переговоры внутри Президиума СФРЮ, а затем шести президентов югославских республик весной – летом 1991 г.). Шел поиск вариантов силового „удержания“ сепаратистских сил в республиках, обсуждались возможности военного переворота. В случае с Югославией это привело к прямым

попыткам военным путем удержать Словению и Хорватию. В июне 1991 г. Югославия опрокинулась в десятилетие кровавых гражданских войн. В случае с СССР путч в августе 1991 г. поставил страну на грань вооруженного конфликта. И здесь со всей очевидностью проявилась разница в положении федерального центра. В Югославии федеральный центр был фактически узурпирован сербским республиканским руководством, и ситуация трансформировалась в вооруженное противостояние Сербия – сепаратистские республики.

В случае с СССР федеральный центр не имел прочной опоры на республиканском уровне, ему противостояло, в первую очередь, российское руководство; оно встало на пути попыток центра к силовому удержанию республик (события в Баку, в Тбилиси, в Вильнюсе в январе 1991 г.), а затем сорвало путч. Именно недооценка инициаторами переворота существования в Москве второго центра власти, независимого и даже соперничавшего с властью Горбачева стало источником провала заговорщиков (См.: *Боффа Дж. Ой СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994: Пер. с иш. Хаустовой Л.Я. - М.: Междунар. ойношения, 1996*).

В итоге, безусловно, можно говорить о схожести процессов распада Югославии и Советского Союза. По сути, в нашей стране события могли пойти по гораздо более трагическому пути. Тем не менее, кажется преувеличением говорить о потенциальной возможности повторения югославского сценария на постсоветском пространстве. На это можно привести, как минимум, три аргумента. Во-первых, национализм в стремительно распадающихся федерациях имел совершенно различный характер. Югославия была искусственным образованием, составленным из наций и этносов, веками враждовавших между собой за одни и те же территории и испытывавших на себе влияние взаимоисключающих интересов различных „великих держав“. Их объединение стало результатом не всеобщего желания, а необходимости, по принципу выбора меньшей из двух зол. Что касается Советского Союза, то нации, составляющие его (за исключением, прибалтийских республик, справедливо отпущенных малой кровью), на протяжении нескольких веков входили в одно государство; национализм не был острым и непримиримым и не проходил четко по линии „русские – другие народы“. Вторым неоспоримым аргументом можно считать незаинтересованность мирового сообщества в том, чтобы события в огромном государстве, обладающем ядерным оружием, пошли по непредсказуемому сценарию. В поддержку этого можно привести тот факт, что Запад (и США, и Европа) сделали после распада СССР все возможное, чтобы помочь сосредоточить ядерный потенциал, разбросанный между несколькими советскими республиками, в руках России. Кроме того, не существовало

объективной необходимости „крушить“ СССР: его геополитическое влияние, его вес итак были изничтожены событиями конца 80-х гг. в Восточной Европе, распадом социалистического лагеря в целом. Именно югославская трагедия помогла в корне изменить и подход к международному праву и его реализации. И то, что это было основным ударом для будущей России во всем балканском конфликте, руководство РФ недопонимает до сих пор. Как раз югославские события впервые поставили на повестку дня вопрос о том, что важнее: право нации на самоопределение или территориальная целостность государства. Не имея возможности серьезно повлиять на урегулирование событий на постъюгославском пространстве, РФ не вписалась в эту новую систему регулирования международных отношений. Во многом именно поэтому с начала 90-х гг. и до сегодняшнего дня Российской Федерации ничего не остается делать, кроме как пытаться разыгрывать в силу невеликих возможностей „балканскую карту“, с большим или меньшим успехом. Почему?

Российская политика на Балканах в 90-е гг. XX века

Почти полвека основная доля ответственности за стабильность в этом регионе лежала на СССР. Российское руководство рассчитывало сохранить за посткоммунистической Россией статус мировой державы, которым до этого обладал Советский Союз. Но его правопреемнице оказалось не под силу ни воспрепятствовать подъему национализма в регионе, ни выступить в роли внешней силы, способной урегулировать региональные конфликты. Причин было несколько.

Во-первых, по объективным основаниям позиции РФ на Балканах не шли ни в какое сравнение с возможностями Российской империи или СССР.

Во-вторых, распад Советского Союза означал и изменение границ, в результате чего Россия оказалась отодвинутой на сотни километров от Балкан.

В-третьих, руководители ее внешней политики допустили существенные субъективные ошибки.

И, наконец, в-четвертых, отечественные политики не были готовы примириться с тем, что лидеры балканских, особенно славянских и „православных“ стран, руководствуются не российскими политическими интересами, а интересами своих стран и народов либо личными соображениями. Сказалось унаследованное с советских времен отношение к странам и народам Юго-Восточной Европы: российское политическое сознание сопротивлялось признанию их самоценности, а в Балканах

видели арену соперничества с Западом или, в лучшем случае, своеобразную буферную зону (См.: Романенко С., Улуян А. *Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла// Pro et Contra, Т.6, №4, 2011*).

По этой причине в 90-е гг. XX века многие проблемы Кремль стремился решать не напрямую с балканскими странами, а путем переговоров с ведущими державами-соперницами – США, Германией, Великобританией, Францией. Руководствуясь этим принципом, Москва пыталась конструировать на Балканском полуострове некие выгодные для себя межстрановые комбинации вместо того, чтобы поддерживать регулярные и прагматические дву- и многосторонние отношения. Одновременно она, игнорируя долгую историю межэтнических конфликтов, априорно рассматривала допустимость ненасильственных этнотерриториальных изменений на Балканах (примером является позиция России в вопросе о статусе Косова). Такой подход неизбежно вел к тактическим и стратегическим просчетам, как в отношении собственно югославского конфликта, так и в формате выстраивания российско-европейских и российско-американских отношений. Подобный расклад лишь свидетельствует о том, что Россия как государство в тот период не имело никаких конкретных политических целей на Балканском полуострове и, тем более, какой-то вполне определенной стратегии. Ее действия, связанные с поддержкой преимущественно сербских интересов, были вызваны скорее необходимостью принимать участие в международных инициативах и тем самым хотя бы чисто формально не исчезнуть с международной арены. Общий итог балканской политики России в 90-е гг. настолько неудовлетворителен, что можно с полным основанием говорить об утрате ею рычагов влияния на полуострове к началу 2000-х гг.

Начало XXI века явно символизировало усиление российских позиций на Балканах, но связано ли оно с обретением стратегии или политических целей в регионе, или это трансформировавшаяся политика разыгрывания „балканской карты“, имевшая место на протяжении всей истории российско-сербских и российско-балканских отношений и ставшая особенно очевидной в конце XX века?

Современные российско-сербские отношения

В первое десятилетие XXI века страны Юго-Восточной Европы в качестве главного внешнеполитического приоритета выбрали курс на европейскую интеграцию: практически все они стали либо полноправными членами НАТО, либо заключили с альянсом соглашения о партнерстве. В 2004 году Словения, в 2007 году Болгария и Румыния стали членами ЕС, с июля 2013 года участником этой организации ста-

нет Хорватия (за вступление хорваты проголосовали на референдуме 21 января 2012 года). Черногория, Македония, Албания имеют статусы кандидата. Сербия этот статус получила весной 2012 года. Данный основной фактор внешней политики постъюгославских государств Россия не может не учитывать. Практически потеряв огромные для себя рынки с вступлением в ЕС стран Центральной и Восточной Европы в 2004 – 2007 гг., увлеченная гораздо больше противодействием расширению НАТО на Восток, чем этим фактом, Россия опомнилась слишком поздно для того, чтобы реально воплотить свои интересы на этом пространстве. Поэтому регионом, где это сотрудничество могло бы приобрести реальные очертания и оказаться проводником гармонизации отношений с ЕС, стали Западные Балканы. К пониманию этого российское руководство пришло примерно к середине 2000-х.

Нельзя, конечно, забывать, что Россия одной из первых поздравила с победой на президентских выборах 24 сентября 2000 г. в Сербии Воислава Коштуницу, кандидата от объединенной Демократической оппозиции Сербии. В целом визит министра иностранных дел России Сергея Лаврова в Белград 6 октября 2000 года значительно способствовал мирному выходу из политического кризиса. Но Россия с того момента и до сегодняшнего дня ни разу открыто не персонифицировала свои предпочтения среди политических элит бывших югославских республик. Единственным примером явного выражения собственной политической позиции является вопрос о статусе Косова. При этом нужно отметить, что, как и в начале 90-х гг., такая позиция официальной Москвы в действительности, как показывает реальная политика, не направлена на достижение какого-то конкретного результата, а является своего рода „внешнеполитическим посылом“ партнерам на международной и очень далекой от Балкан арене. По образному выражению одного из российских ученых, сотрудника белградского Института новой истории, Алексея Тимофеева, „в 90-х это послание звучало как „мы за мир любой ценой“, сегодня „мир, но было бы неплохо, чтоб вы нас уважали“ (*Aleksej Timofejev, Mitovi o Rusiji i dinamika razvoja ruskih spoljnopolitičkih odnosa na Zapadnom Balkanu // Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka. – Beograd, ISAC fond. – str. 23*).

С начала 2000-х гг. Россия делает ставку на развитие экономических отношений. Первоначально, еще на этапе существования федеративного сербско-черногорского государства, эти проекты преимущественно носили характер частных бизнес-инвестиций и не имели официальной поддержки на государственном уровне. „При Путине стало меньше романтизма и больше бизнеса“, – заявил накануне переговоров с Е.М. Примаковым (в то время Председателя Торгово-промышленной

палаты РФ) президент Сербской торговой палаты Слободан Милосавлевич (*Ласер И. Русские возвращаются в Сербию // <http://www.inopressa.ru/edition/lefigaro>*). За несколько лет русский капитал активно позиционировал себя в части сербской национальной экономики. „Беопетрол“, вторая по значению нефтедобывающая компания страны, была выкуплена российским гигантом „Лукойл“. „Мидленд“, инвестиционный фонд с российским капиталом, офис которого располагается в Лондоне, приобрел „Карнекс“ (главный мясоперерабатывающий комбинат страны), сеть ресторанов „Стари Град“ и часть порта Панчево на Дунае. Вложение капитала в Панчево, кроме всего прочего, позволило России контролировать поток товаров, транспортируемых по Дунаю, в частности из Украины. Еще один инвестиционный фонд с российским капиталом, „Солфорд“, зарегистрированный на Гибралтаре, взял под свой контроль предприятия по производству молока и кондитерских изделий. Общий товарооборот между СиЧ и Россией в 2004 г. составил порядка 1,5 млрд. долларов (*Пушин: в этом году товарооборот с Сербией и Черногорией достигнет 2 млрд. долларов // http://www.newsru.com/finance/15nov2005/serb_save.html*).

Активно начало развиваться сотрудничество России и Сербии и Черногории и на региональном уровне. Так, Москва участвовала в реконструкции Нового Белграда, развитии гостиничного бизнеса на Адриатическом побережье Черногории и т.п. Кроме того, Москва поставляла в Сербию и Черногорию машино-техническое оборудование, двигатели, силовые установки и медь, получая взамен пластмассовые изделия, продукты питания, лекарственные средства, электрические машины.

С середины 2000-х гг. в российско-сербском экономическом диалоге первостепенное место начинает занимать энергетический сектор. Но не стоит упускать из вида, что и эти проекты не имеют своей целью достижение определенных результатов конкретно в регионе, несмотря на всю их институциональную поддержку и реальное значение для балканских государств. Проекты в энергетической сфере имеют своей целью реализацию политических и экономических интересов России в Европейском Союзе. При этом, оглядываясь на весь регион, не стоит выделять Сербию как абсолютно приоритетного партнера. В этом отношении РФ имеет примерно одинаково развитые и конструктивные отношения со всеми государствами Западных Балкан. Доказательством тому служат гораздо более развитые экономические отношения с Черногорией, ее благоприятный инвестиционный климат. Хорватия в процессе присоединения к ЕС признала своих граждан российского происхождения официальным национальным меньшинством со всеми вытека-

ющими из этого правами. Соответственно, Сербия является пусть и важным, но лишь составным элементом при построении отношений между Россией и Западными Балканами.

Серьезную роль в трансформации российско-сербских отношений и отношений Сербии со странами-членами Европейского Союза сыграл кризис 2006 года, связанный с отделением Черногории и прекращением существования федеративного сербско-черногорского государства. Это автоматически подняло на поверхность косовскую проблему, в процессе решения которой отношения с Европейским Союзом зашли в тупик, а Россия выступила, казалось, единственным последовательным защитником стандартов международного права и интересов Сербии. В 2008 году демократическое руководство Республики Сербии накануне выборов смогло на время нивелировать эту сложность. Впервые за много лет Борису Тадичу и его соратникам удалось соединить и в сербском национальном сознании, и в политической тактике принцип „мы и Запад, и Восток“, „мы и с Европой, и с Россией“. Накануне выборов Б. Тадич подписал с ЕС Соглашение и стабилизации и присоединении и Нефтегазовое соглашение с Россией. Казалось, что именно такой выбор принесет долговременную стабильность в отношения между Сербией и ЕС, рационализм в восприятии России в Сербии. Что в итоге это может положительно повлиять на развитие трехсторонних российско-сербско-европейских отношений (*Подробнее см.: Энтина (Волкова) Е. Г. Еще один путь в Европу: от нерушимой Югославии и неделимой Сербии. – Екатеринбург, 2011. 212 с.).*

25 января 2008 года в Москве было подписано Соглашение между Правительством Сербии и Правительством Российской Федерации в области нефте- и газовой промышленности. Сербия ратифицировала его в сентябре 2008 года, а вступил действие он в декабре того же года. Уже в начале 2009 года министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил о том, что обе стороны – и российская, и сербская – расположены к налаживанию стратегического партнерства в целом (Заявления для прессы по итогам российско-сербских переговоров. 24 декабря 2008 года // <http://kremlin.ru/transcripts/2599>).

Отношения между Россией и Сербией в течение 2009 года действительно вышли на уровень, которого не было уже много десятилетий (*Заявления для прессы по итогам российско-сербских переговоров. 20 октября 2009 года. // <http://news.kremlin.ru/transcripts/5782>*). Сотрудничество наблюдалось в промышленности, экономической и военно-политической сферах. С Сербией был подписан договор о прокладке сербской части газопровода „Южный поток“; „Нефтяная индустрия Сербии“ была фактически продана России (контрольный пакет акций получил

„Газпром“), что, правда, вызвало крайне неоднозначные оценки в сербском обществе и политических кругах; в подземном газохранилище „Банатский Двор“ были начаты работы по его качественной реконструкции. Все это, помимо, энергетических, несомненно, политические договоры. Посредством этих соглашений реализуются не только сербские, но и многие российские интересы. К ним можно отнести и то, что список товаров, не подлежащих обложению налогами или ввозимых по невысоким налоговым ставкам, значительно расширился с подписанием дополнительных соглашений к Договору о свободной торговле. Помимо „Банка Москвы“, имеющего серьезные активы в Сербии, а также собственное здание в самом центре Белграда возле гостиницы „Москва“, ожидается приход и других российских банков в Сербию, например, „Газпромбанка“. Это, несомненно, усилит российский бизнес в Сербии (*Petrovic Žarko, Rusko-srpsko strateško partnerstvo: sadržina i domašaj // Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka. – Beograd, ISAC fond. – str. 27-28*).

Тем не менее, для того, чтобы партнерство России и Сербии стало действительно стратегическим, и было выгодно обеим сторонам, необходимо выработать не только тактику – поддержку по вопросу Косова, торговлю или инвестиции, - но и стратегию. С выработкой последней дела обстоят не лучшим образом.

Совокупно сегодняшнее партнерство можно разделить на три сферы: российская поддержка сербской позиции по косовскому вопросу; координация позиций обеих стран по различным международным инициативам; стабильная реализация энергетических проектов (распределение сфер сотрудничества заимствовано у Жарко Петровича, статья „Российско-сербской стратегическое партнерство“). Стоит рассмотреть, почему на сегодняшний день эти привлекательные сферы вряд ли могут стать основой реальной стратегии.

Войс Косова

С самого начала кризиса в Косове Российская Федерация выступала с позиции ведения переговоров вплоть до нахождения сторонами взаимоприемлемого компромисса, независимо от того, сколько времени на это потребуется. Провозглашение независимости Косова в одностороннем порядке 17 февраля 2008 года и последовало потому, что невозможность добиться одобрения этих действий в Совете Безопасности ООН стала очевидной. Кремль последовательно поддерживал политику Сербии по отстаиванию принципа территориальной целостности и суверенитета Сербии (*Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова сербской газете „Вечерние новости“, 1 ноября 2011 года // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/C54FD02DAB0948654425793B0038181D*). При этом Сербия и сербы зачастую воспринимали тогда и воспринимают сейчас ее как защиту сербских интересов. Это, как показали

дальнейшие события, не было целью российских политиков и дипломатов. Российская политика, по мнению Жарко Петровича, совершенно ясна: Россия поддерживает принцип суверенитета и территориальной целостности, а не Сербию как государство. Отстаивая этот принцип, Россия поддерживает сегодняшнюю сербскую политику в отношении статуса Косова, а не обороняет Сербию. Сложно себе представить, чтобы Россия поддержала хоть в какой-то мере Сербию, соберись та силой отстаивать территориальную целостность Косова (Жарко Петрович с. 28).

Подтверждением правоты сербского исследователя может служить ситуация ноября 2011 года с запросом о предоставлении гражданства 20.000 косовских сербов. На эту неоднозначную просьбу Россия после двухнедельного молчания 2 декабря 2011 года ответила отказом, сославшись на то, что по закону такой шаг невозможен (*Косовским сербам отказали в российском гражданстве*// <http://www.km.ru/v-rossii/2011/12/02/situatsiya-vokrug-kosovo/kosovskim-serbam-otkazali-v-rossiiskom-grazhdanstve>). Это свидетельствует о том, что Россия не намерена превращать международную дискуссию вокруг Косова в собственную политическую боль.

Вторым безусловным доказательством того, что, используя аргумент Косова, Россия в действительности, с одной стороны, пытается снизить конфликтный с Европой потенциал в зоне своих непосредственных интересов – на постсоветском пространстве, а с другой стороны, использует для реализации своих целей в качестве рассчитывающего на уважение международного игрока, является известный грузино-осетинский конфликт августа 2008 года. Фактически Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, руководствуясь теми же принципами, что и США и ЕС в вопросе о независимости Косова. И тот, и другой, в силу исторических, политических и иных причин, оказались уникальными случаями, требующими особого подхода. В итоге – и это является главным следствием для возможности стратегического развития российско-сербских отношений – РФ еще сильнее запутала проблему эффективности современного международного права. Еще одно нарушение принципов Заключительного Хельсинского акта 1975 года, что произошло в случае с признанием независимости Южной Осетии и Абхазии, несомненно, свидетельствует о том, что вопрос статуса Косова в сербском представлении вряд ли будет когда-то решен. Россия предполагает, что независимость Косова от Сербии, как и любой другой подобный сюжет, возможна при соблюдении соответствующих условий, юридически закрепленных в международном праве. Это означает то, что РФ поддерживает сегодняшнюю сербскую позицию, выраженную в формуле „никогда не признаем независимое Косово“ до того момента,

пока новые правила игры на международной арене, с учетом интересов Российской Федерации, не будут введены в действие. Это может произойти как с участием сербов – и это был бы идеальный вариант для российско-сербских отношений, – так и без участия сербской стороны.

Тем не менее, несмотря на явное несовпадение интересов в стратегическом плане на сегодняшний день, отдельные акции России – предоставление кредитов, вербальная поддержка или отправка колонны с гуманитарной помощью в Косово в декабре 2011 года – вызывают явное одобрение населения и укрепляет влияние националистов в Белграде, в очередной раз актуализируя представление о том, что „Россия защищает интересы Сербии больше, чем сами сербы“.

Согласованная позиция на международной арене

На сегодняшний день, таких вопросов объективно немного, и подобное стратегическое сотрудничество возможно лишь гипотетически. Это, главным образом, обоюдное негативное отношение к вопросам расширения НАТО и поддержка сербской стороной российской инициативы конца 2008 года о подписании нового договора о безопасности в Европе.

Что касается первого вопроса, то здесь ситуация очень неоднозначна. С одной стороны, учитывая горький опыт НАТО в Югославии, сложно себе представить, что в ближайшее время Сербия на официальном уровне заявит о желании стать членом Альянса. Вместе с тем, еще в 2005 году она присоединилась к программе „Партнерство ради мира“. Все страны по периметру Сербии являются членами НАТО или открыто стремятся в эту организацию. Учитывая, что этот блок военно-политический, а ситуация на Балканах в смысле безопасности никогда не была стабильной, вряд ли возможно, чтобы в долговременной перспективе Сербия оставалась не включенной в это блок. Когда „в интервью газете „Пресса“ 9 января 2010 года сербский министр обороны Драган Шутановац провел параллель между европейской системой ценностей и евроатлантической системой безопасности, на официальном уровне Россия отреагировала негативно. Свою негативную позицию выразили как Сергей Лавров, так и Константин Косачев, а Дмитрий Rogozin вообще связал этот вопрос с российской поддержкой непризнания независимого Косова“ (Цит. По Жарко Петрович с. 7).

Если рассуждать относительно договора о новой европейской безопасности, то и здесь Сербия открыто не поддержала Россию, хотя в рамках двухсторонних встреч выражала свое позитивное отношение к реализации подобного проекта.

Все это говорит о том, что Сербия – и это очевидно – не обладает свободой политического маневра на европейской арене. Соответственно, она не может стать для России безоговорочным союзником на международной или, хотя бы, европейской сцене. А это один из ключевых моментов для любого стратегического партнерства.

Энергетическое сотрудничество

Энергетическое сотрудничество, как было уже сказано выше, началось с продажи „Беопетрола“ компании „Лукойл“ в 2000-м году. Почти десятилетие спустя российское руководство начало проект, связанный с прокладкой альтернативных путей доставки газа в Европу.

В декабре 2008 года в Москве президент Сербии Борис Тадич и российский президент Дмитрий Медведев подписали договор о продаже „Газпрому“ контрольного пакета акций компании „Нефтяная индустрия Сербии“, крупнейшей энергетической компании Сербии. А через год, в октябре 2009 г. во время визита президента РФ Д. Медведева в Белград был подписан пакет экономических соглашений, в том числе о строительстве сербского участка газопровода „Южный поток“. В соответствии с соглашением Сербия получила порядка 1 млрд. долларов на развитие инфраструктуры. По словам Сергея Шойгу страна начала постепенно превращаться в „энергетический узел Балкан“. Кроме того, были подписаны соглашения о сотрудничестве в области чрезвычайного гуманитарного реагирования, предупреждения стихийных бедствий и техногенных аварий и ликвидации их последствий, о сотрудничестве МВД двух стран, о межпарламентском сотрудничестве между ГД РФ и Народной скупщиной Сербии, а также программа в области культуры, образования, науки, спорта и молодежной политики между правительствами Сербии и России на 2009-2011 гг. (Документы, подписанные по итогам российско-сербских переговоров на высшем уровне. 20 октября 2009 года // http://news.kremlin.ru/ref_notes/348).

Следующим серьезным шагом для реализации проекта был визит В. Путина в Словению и Сербию 23-24 марта 2011 года. Накануне его приезда Россия была официально провозглашена одним из четырех приоритетов сербской внешней политики – наряду с США, ЕС и Китаем. По итогам этих переговоров были подписаны соглашения в сфере научно-технического сотрудничества, туризма, автомобильного транспорта. В. Путин заявил о том, что Россия предоставит Сербии очередной кредит размером в 800 млн. долларов, а „Южный поток“ будет реализован в срок – то есть до 2015 года (*Сербские маневры премьеры Путина // <http://www.inosmi.ru/europe/20110324/167689845.html>*). Сербская часть

„Южного потока“ будет, по всей видимости, запущена в начале декабря 2012 года – об этом было заявлено на последнем раунде российско-сербских переговоров в сентябре 2012 года.

В то же время ключевой для развития отношений с Сербией и Балканами проект „Южный поток“ необходимо воспринимать реалистично, без лишних иллюзий. Европейский Союз, один из основных приоритетов внешней политики Сербии, стремится диверсифицировать пути поставки газа на свою территорию. Предпринимает различные шаги – пусть не всегда выгодные для себя и своего европейского бизнеса, – чтобы снизить зависимость от поставок российского газа. Не секрет, что конкурирующие с „Южным потоком“ проекты – это Nabucco и Южный коридор. Кроме того, 3 марта 2011 года был введен в действие „Третий энергетический пакет“, исключаящий монопольный контроль поставщика над транспортными сетями и открывающий газопроводы, пересекающие межгосударственные границы, для газа других поставщиков. Понятно, что этот шаг нанес серьезный удар по основному поставщику газа в Европу – России. Несмотря на все попытки урегулировать этот вопрос с ЕС в рамках переговорного процесса в течение всего 2011 и 2012 года, никаких определенных результатов российскому руководству достичь не удалось. И последние саммиты Россия-ЕС в Брюсселе (декабрь 2011 года) и Сходне (июнь 2012 года), кроме совместных заявлений о необходимости согласовать позиции в энергетической сфере, ничего не принесли. В этом смысле сербская сторона должна учитывать, что, приближаясь к ЕС, независимо от своих внутренних желаний, она будет вынуждена играть по европейским правилам. Поэтому все энергетические отношения с Россией должны быть встроены в рамки европейского законодательства. Тогда они могли бы стать основой для сближения и по линии Сербия-ЕС, и по линии Россия-ЕС. Это открыло бы окно возможностей для согласования позиций в энергетической сфере между Москвой и Брюсселем. Такими возможностями России стоило бы воспользоваться.

Финансово-экономические связи

Помимо энергетического пакета, Россия является одним из основных кредиторов Сербии. Каковы итоги. 4-6 сентября 2012 года Москву посетил премьер-министр нового сербского правительства Ивица Дачич, а затем, 11 сентября, в Сочи в резиденции „Бочаров ручей“ встретились два вновь избранных президента – Владимир Путин и Томислав Николич. Оба президента были вынуждены признать, что экономическое сотрудничество в действительности идет не лучшим

образом, товарооборот между двумя государствами снизился за первую половину 2012 года по сравнению с предыдущим периодом (Российско-сербские переговоры // <http://www.kremlin.ru/news/16464>). Однако Сербия в очередной раз получила от России предложение по кредитованию своего бюджета – 700 млн. долларов, в том числе на восстановление железнодорожной инфраструктуры. Путин напомнил, что Россия ранее уже предоставила Сербии кредит размером в 200 млн. долларов на укрепление бюджета страны, а уровень накопленных инвестиций России в Сербии на данный момент составляет 1,4 млрд. долларов (Москва выделит Сербии кредит в размере \$800 млн // <http://m.forbes.ru/news.php?id=82561>). Эти упомянутые 200 млн. долларов и являются частью вышеупомянутого кредита в 1 млрд. долларов, который Россия согласилась предоставить Сербии еще в 2009 году. Первый транш в размере 200 млн. долларов был выделен в 2010 году для погашения дефицита бюджета. Остальные 800 млн. долларов Россия намеревалась направить на инфраструктурные проекты в Сербии, но с условием предоставления технико-экономического обоснования. Эти деньги еще не поступали в сербский бюджет, а причины задержки российский посол в Сербии Александр Конузин в своем прощальном интервью (срок его полномочий истек 18 сентября 2012 года) объясняет следующим образом: „в задержке виновны распад Югославии, гражданская война, санкции, НАТО-вские бомбардировки, преступная приватизация, кризис... Все это лишило сербских партнеров необходимых ресурсов. Но они смогли преодолеть все трудности и сейчас дела идут хорошо“ (Российский посол попрощался с сербами//<http://www.srbija.ru/news/3188-id>).

Кроме того, власти Сербии предлагают неназванному российскому инвестору за символический один доллар приобрести металлургический комбинат Железара „Смедерево“ (одно из крупнейших предприятий страны, мощность до 2,4 млн. тонн стальной продукции в год). Соответствующий пункт был включен в протокол по итогам последних российско-сербских официальных переговоров. В начале 2012 года бывший владелец - американская компания US steel продала нерентабельное предприятие обратно сербскому правительству, причем за тот же 1 доллар (http://polpred.com/?ns=1&ns_id=637255).

Возникает логический вопрос: то, что Россия кредитует Сербию и развивает с ней торгово-экономические связи, безусловно, позитивный момент. Более того, только таким образом Россия может укрепиться в важном для себя регионе. Однако любое сотрудничество должно иметь под собой экономические основания. В этом смысле для России критично удержаться от желания сыграть роль „большого брата“, как это уже однажды случилось с СССР. Чрезвычайно важно, чтобы милый образ

„двух общеславянских мачо – одного, управляющего Миг-29 и ловящего рыбу в Сибири, и другого – гонящего ракию и рубящего дрова в родном селе“ (Александар Апостоловски Николић позвао Путина да отвори Јужни ток у Србији//<http://www.politika.rs/rubrike/tema-dana/232927.sr.html>), созданный в статье Александра Апостоловски, так и остался не более, чем метафорой. Томислав Николич и Владимир Путин должны проводить реалистичную политику, основанную на объективных потребностях экономики и государственного функционирования.

Вот уже двадцать лет с момента распада две страны – Сербия и Россия – кружат в лабиринтах модернизации. Ни одна из воплощенных за это время политических комбинаций не удовлетворяет интересам большинства населения; экономическая система кажется эффективной лишь на первый взгляд. На поверку оказывается, что без внешней поддержки (в случае с Сербией) или мощного государственного стимулирования (в российском варианте) она функционировать не в состоянии. Это неизбежно ведет к популяризации националистического дискурса. И для России, и для Сербии этот процесс закономерный. Россия не может и не должна соглашаться на роль внешнеполитического игрока уровня среднестатистического европейского государства. Это непозволительно ни с оглядкой на историю, несоизмеримо и с масштабом занимаемой территории. Даже самые ярые демократы начала 90-х гг., на словах говоря о том, что Россия утратила мировой статус и должна с этим смириться, в своих реальных политических действиях выступали с позиции России как равновеликой США и Европе державы.

Для сербов абсолютное национальное унижение, которому они подверглись в последние двадцать лет отчасти в силу собственных амбиций и твердолобости, отчасти из-за существования „двойных стандартов“, также недопустимо.

Консервативные силы, одержавшие победу на президентских и парламентских выборах цикла 2011-2012 года в обоих государствах, выступают за модернизацию. Сложное, противоречивое, почти нереализуемое стремление. В чем заключается оно для российско-сербских отношений? Ответ и прост, и невероятно сложен одновременно. И российский, и сербский народы, к сожалению, глубоко погружены в мифологическое восприятие себя. Отчасти поэтому процессы в наших странах проходят параллельно. Сегодняшнее усиление России, ее отход от либеральной традиции, во многом обеспечил победу консервативных сил в Сербии и их последующие, правда, еще мало выраженные попытки шантажировать Запад сближением с РФ. Это связано с тем, что именно Россия сегодня оказалась в числе самых серьезных кредиторов Сербии, а

Европа не может сравниться с нами в этом отношении. Но именно в этом кроется и самая большая сложность, и самая большая опасность для российской стороны. Объективно Россия меньше всего заинтересована в том, чтобы сербская сторона начала использовать конструктивные двусторонние отношения как элемент „устрашения“ Запада. Этим самым сербы отдалили бы и себя от Европы, и осложнили российские отношения с ней. Совсем не правы те, кто говорят, что Сербия в любой момент может отказаться от Европы и пойти вперед с Россией. Сербия не может этого сделать. Потому что Россия сегодня стоит к Европе лицом, а не спиной. Крупнейшим соседом России, как ни странно, является Европейский Союз. Не Китай, а именно ЕС. Не на Западе, а вообще. По экономической мощи – почти 30% мирового ВВП. По совокупному политическому влиянию – большинство пунктов мировой повестки внесены в нее по инициативе Брюсселя (G20, устойчивое развитие, борьба с изменениями климата, придание Международного уголовного суду универсального характера, обеспечение социальной защищенности личности во всех странах и прекращение социального демпинга, равенство мужчин и женщин и т.д.). По мягкой силе, которой ЕС располагает. По опыту прочного надежного примирения народов, включая преодоление вековой вражды между немцами и французами, и добровольного наднационального строительства. Да, ЕС в кризисе. Он уже не тот, что раньше. Назревшие решения не принимаются. ЕС теряет свои позиции. Мир не устают предупреждать о рисках перетекания кризиса еврозоны за пределы региона. В какой-то степени „да“. Однако в похожих ситуациях, случавшихся в прошлом, знаменитый кардинал Ришелье – один из самых тонких, умных и хитрых политиков в мировой истории - говорил: „Не судите опрометчиво“.

Российско-сербские отношения должны и могут открыть новые пути для России и для Сербии, а не изолировать их от остального мира, не противопоставить ему. Этот вариант возможен только при выстраивании гармоничных отношений, по крайней мере, в треугольнике Россия – Сербия – Европейский Союз. Для Сербии это означает формулу „в Европу с Россией“, для России – „к Европе через балканский диалог“, для Европы – „к собственной безопасности – в сотрудничестве с Россией“.

Список использованной литературы и источников

Документы:

Документы, подписанные по итогам российско-сербских переговоров на высшем уровне. 20 октября 2009 года // http://news.kremlin.ru/ref_notes/348

Заявления для прессы по итогам российско-сербских переговоров. 24 декабря 2008 года // <http://kremlin.ru/transcripts/2599>

Заявления для прессы по итогам российско-сербских переговоров. 20 октября 2009 года. // <http://news.kremlin.ru/transcripts/5782>

Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова сербской газете „Вечерние новости,, 1 ноября 2011 года // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/C54FD02DAB0948654425793B0038181D

Российско-сербские переговоры // <http://www.kremlin.ru/news/16464>

Исследования:

Александар Апостоловски, Николић позвао Путина да отвори Јужни ток у Србији // <http://www.politika.rs/rubrike/tema-dana/232927.sr.html>

Арбатов Г.А. Дело: „Ястребы и голуби холодной войны“ / Г.А. Арбатов. М.: Алгоритм: Эксмо, 2009. 224 с.

Белград: Россия выделит Сербии кредит в 300 млн долларов // <http://vz.ru/news/2012/9/4/596606.html>

Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994: Пер. с ит. Хаустовой Л.Я. - М.: Международные отношения, 1996

Драган Бујошевић, Николић, Руси, Дачић, влада... // <http://www.politika.rs/rubrike/Politika/Nikolic-Rusi-Dacic-vlada.sr.html>

Волков В.К. Сербия – 200 лет борьбы // Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804 – 1813 гг. / отв. ред. В.К. Волков. СПб.: Алетейя, 2005. С. 11-12.

Волков В.К. Этнократия – непредвиденный феномен посттоталитарного мира / В.К.Волков. // Политические исследования.. 1993, № 2. С. 40-49.

Энтина (Волкова) Е. Г. Еще один путь в Европу: от нерушимой Югославии и неделимой Сербии. – Екатеринбург, 2011. 212 с.

Грызунов С., Сысоев Г. Балканский пророк. Политический портрет. Ярославль, Издательско-полиграфический комплекс ИНДИГО, 2011. С. 103

Косовским сербам отказали в российском гражданстве// <http://www.km.ru/v-rossii/2011/12/02/situatsiya-vokrug-kosovo/kosovskim-serbam-otkazali-v-rossiiskom-grazhdanstve>

Ласер И., Русские возвращаются в Сербию // <http://www.inopressa.ru/edition/lefigaro>

Отношения России (СССР) с Югославией. 1941 – 1945 гг.: Документы и материалы. М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998.

Москва выделит Сербии кредит в размере \$800 млн // <http://m.forbes.ru/news.php?id=82561>

МОСКВА И БЕЛГРАД НЕ СМОГЛИ ПОЛОЖИТЕЛЬНО ЗАКОНЧИТЬ РАБОТУ НАД ДЕКЛАРАЦИЕЙ О СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ: ПОСОЛ РФ // http://polpred.com/?ns=1&ns_id=637501

Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985 - 2005. М.: Русь-Олимп. Астрель: АСТ. 2007. С.413

Б. Чпажак, Србија се окреће ка Русији // <http://www.politika.rs/rubrike/Politika/233060.sr.html>

Путин: в этом году товарооборот с Сербией и Черногорией достигнет 2 млрд. долларов // http://www.newsru.com/finance/15nov2005/serb_save.html

Романенко С., Между „пролетарским национализмом“ и „славянским братством“. М., 2011, С. 757

Романенко С., Улунян А. Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла// Pro et Contra, Т.6, №4, 2011

(Сербские маневры премьера Путина // <http://www.inosmi.ru/europe/20110324/167689845.html>)

Российский посол попрощался с сербами // <http://www.srbija.ru/news/3188-id>

Россия предоставит Сербии кредит в размере \$700 миллионов // <http://business-gazeta.ru/article/66730/>

Jović, Dejan, *Jugoslavija: država koja odumrla: uspon, kriza i pad Kar-deljeve Jugoslavije: (1974-1990)*, Zagreb 2003, 68.

Jovanović Miroslav, *Dve Rusije: dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti*// Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka. – Beograd, ISAC fond. 11–18.

Mihajlović-Milanović Zorana, *Srpski energetski sektor – stanje i rusko-srpski energetski odnosi danas* // Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka. – Beograd, ISAC fond, 153-162.

Petrović Žarko, *Rusko-srpsko strateško partnerstvo: sadržina i domašaj*// Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka, Beograd, 26-39.

Petrović Žarko, *Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka* // *Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka*, Beograd, 5–8.

Simurdić Milan, *Ruska energetska politika i Balkan* // *Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka*, Beograd, 147–152.

Србија се окреће ка Русији // <http://www.politika.rs/rubrike/Politika/233060.sr.html>

Timofejev Aleksej, *Mitovi o Rusiji i dinamika razvoja ruskih spoljno-političkih odnosa na Zapadnom Balkanu* // *Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka*. – Beograd, 19–24.